

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Черты любовно-авантюрного романа в философской повести Вольтера «Кандид»

Научный руководитель – Котариди Юлия Георгиевна

Петрова Елена Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия
E-mail: bakutan1998@mail.ru

Философская повесть Вольтера «Кандид» во многом повторяет сюжетную схему греческого романа и сохраняет его архитеконику. Структурообразующие мотивы любовно-авантюрной романной формы, трансформированные Вольтером под влиянием рокальной эстетики, стали основой художественного мира «Кандида». Проблемы связи «Кандида» с греческим романом касались М.М. Бахтин[2], В.Я. Бахмутский[1], В.Б. Шкловский[5], В.Х. Барбер[6]. Однако попыток подробно исследовать влияние античной беллетристики на повесть Вольтера как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении, не предпринималось.

«Кандид» Вольтера включает в себя все три группы мотивов, традиционных для античной романной формы: любовные, странствий и «риторические» [3]. Любовь и разлука героев, внезапная страсть двух молодых и прекрасных людей, путешествия в другие страны, кораблекрушение, война, узнавания, погони и преследования, рассказы второстепенными персонажами о своих злоключениях — канонические черты греческого романа, представленные в повести.

Любовные мотивы греческого романа в «Кандиде» трактуются в духе эпохи рококо. Внезапная страсть Кандида и Кунигунды становится поводом для пародии на «Повесть о Левкиппе и Клитофоне» Ахилла Татия. Завязка «Кандида» - травестированная аллюзия на любовь Левкиппы и Клитофонта. Чувства влюбленных у Татия освящены образами Европы и Зевса, увиденных главным героем на картине перед тем, как «в игру вступила судьба»[7], у Вольтера страсть Кандида и Кунигунды предвосхищена плотскими утехами Панглоса с горничной. В греческих романах человек «сохраняет себя и выносит из этой игры, из всех превратностей судьбы и случая неизменным свое абсолютное тождество с самим собой» [2], в то время как Вольтер посредством нравственной и физической трансформации своих героев показывает иррациональность и алогичность идеалов, провозглашенных в античных и современных ему романских формах, вступает с ними в полемику, пользуясь инструментарием рокальной эстетики с ее «исследованием естественных в сенсуалистическом понимании нравственных и психологических побуждений личности»[4].

Античные мотивы странствий в повести Вольтера составляют основу сюжетного движения. «Кандид» благодаря сведенным к травестии описаниям других стран, сцен войны и кораблекрушения становится карикатурой на мир эпохи Семилетней войны и землетрясения в Лиссабоне. Данные канонические черты греческого романа Вольтер представляет в виде следующих друг за другом без какого бы то ни было временного промежутка сцен, тем самым достигая комического эффекта и снижая общий тон повествования до игрового. Реализуя мотивы странствий схематически также, как это делали античные авторы, Вольтер преследует совершенно иные цели, нежели, например, Ахилл Татий. Если Татий при описании стран, в которые «случайно» попадают Левкиппа и Клитофонт, стремится к энциклопедичности, воспринимая повествование как возможность открыть читателю

нечто ему неизвестное, то Вольтер постоянно меняет пейзаж для иллюстрации проблемы главенства мирового зла.

Риторические элементы греческого романа в «Кандиде» прямо пародируют античную романную форму с ее монологами как главных, так и второстепенных героев. Мотив рассказа персонажа о своих злоключениях в повести Вольтера снабжен аллюзиями на Франсуа Рабле с его телесностью, повествование приобретает характер травестии и трактуется как нечто комическое, гривуазное, свойственное рокальной эстетике. Рассказ Старухи из «Кандида» был навеян историей Гишподея из «Повести о Габрокоме и Антии» Ксенофонта Эфесского. Образ сына благородных родителей, «под влиянием тоски и бедности» [8] ставшего главой разбойничьей шайки, в повести Вольтера снижен до образа скитающейся по свету дочери Папы и княгини с половиной зада.

При изучении проблемы соотношения повести Вольтера «Кандид» и греческих романов становится понятно, что интерпретация мотивов любовно-авантюрного романа с позиций идеалов рационализма и рокальной эстетики в «Кандиде» служит нескольким авторским задачам: пародированию греческой беллетристики с ее устойчивыми мотивами, генетически восходящими к сказке; критике романа Генри Филдинга о Томе Джонсе (также построенном по схеме любовно-авантюрного романа) за иррациональный подход к воплощению реальных жизненных ситуаций; реализации философских идей о несостоятельности учения об оптимизме и алогичности античных идеалов, их противоречия устройству реальной жизни. Вольтер, используя в практически неизменном виде структурообразующие мотивы греческих романов, в духе эпохи рококо описывает современную ему картину мира и вкладывает в свое повествование философские концепции, ставшие идейной основой новой эпохи, построенной на главенстве разума над чувствами и компромиссном отношении к человеческим слабостям.

Источники и литература

- 1) Бахмутский В.Я. Пороги культуры. М., 2005.
- 2) Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- 3) Грифцов Б.А. Теория романа. М., 1926.
- 4) Пахсарьян Н.Т. Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690-1760-х годов. Днепропетровск, 1996.
- 5) Шкловский В.Б. Избранное: В 2 т. М., 1983. Т.1.
- 6) Barber W.H. Voltaire: Candide. New York, 1960.
- 7) https://royallib.com/book/tatij_ahill/levkippa_i_klitofont.html
- 8) http://annales.info/ant_lit/xenefes/index.htm